

Кажется, сама жизнь намекнула, сколь неприметное место в умозрениях российской власти занимают попечения об отечественной словесности.

1 сентября Председатель Правительства Мишустин прибыл в село Лопатино Тарусского района и открыл прекрасную новую школу. Но не нашёл десяти минут, чтобы на обратном пути заглянуть в Тарусу на уникальный Приокский бульвар с ростовыми памятниками трёх гениев русской литературы — Паустовского, Цветаевой и Ахмадулиной. А 31 августа, между прочим, День Цветаевой, букет к её ногам был бы очень кстати. И разве поклон главы Правительства всенародно почитаемым писателям, показанный по ТВ, не означал бы, что власть понимает значение русской литературы?

Увы, ни у помощников премьера, ни у Калужского губернатора, ни у Минцифры, куда упрятали книжную отрасль, не шевельнулась мысль о столь знаковом дополнении к деловой поездке Мишустина. Случай примечательный, позволяющий в очередной раз, как это нынче повелось, упрекнуть власть в невнимании к сфере словесности.

Однако у взыскательных граждан, искренне пекущихся об истинах жизни, может возникнуть и иная точка зрения.

А с какой стати глава Правительства среди бесчисленных забот должен каждодневно памятовать о знаках внимания к писательскому делу? Какие жгучие проблемы народного и государственного бытия поднимала наша литература за последние 30 лет? Чем волновала души миллионов людей, привлекая внимание к историческому повороту российской судьбы? Какой новый «Тихий Дон» появился на свет, побуждая не только главу Правительства, но и гражданина Мишустина держать в уме мысль про особое общественное значение нашей литературы?

Такого рода вопросы сегодня настойчиво стучатся в сознание, ибо с началом СВО Россия вступила в новый этап своего исторического движения. Этот судьбоносный переход сопровождается не только сводками о боевых успехах и достижениях ВПК, но и отнюдь не радужными «донесениями» с внутренних фронтов, где, раскалывая массовое сознание, трагизм войны соседствует с карнавальным торгово-рекламным весельем и где литературе принадлежит особая роль. Да, следуя своему предназначению, многие писатели уже приравняли перо к штыку, однако первые сочинения о СВО явно не делают погоды в книжном мире, о чём бесстрастно извещает ЛГ, публикуя список самых читаемых книг лета 2025 года.

Впрочем, свою миссию зет поэзия и проза уже выполнили, став провозвестниками неизбежного обновления русской литературы.

Предыдущая смена матрицы нашей словесности проходила драматически. Приговор советской литературе был вынесен без суда и следствия, но по максимальной строгости. Об этом объявила приснопамятная статья в ЛГ о «Поминках». Сегодня те расправщики, обретя статус иноагентов, пребывают далече. Но в анналах истории литературы сохранились записи о смутных годах, когда, по Блоку, «литературная среда смердила», о вакханалии нравственного одичания и демагогии, какую учинили эти грацианские, вымарав из истории творчество предшественников.

После Писарева на переломах литературной жизни стало модным устраивать «Прогулки по садам российской словесности», однажды на «Прогулку» пригласили даже Пушкина. И в 1995 году статью с таким названием поместил журнал «Новый мир». В №5 автор писал: «При чтении Буйды, Галковского, Вл.Сорокина, Ю.Алешковского, В.Ерофеева — имя им легион — создаётся устойчивое впечатление, что подлинной причиной их недоразумений с правящим ре-

жимом было угнетение их телесного низа». А далее следовали столь омерзительные цитаты из бестселлеров тогдашних охальников, что их перепост ныне не дозволен законом. Иначе говоря, её подвергли секвестру, что в медицине означает отсечение омертвевшей ткани.

Столбовой поворот 1991 года, начатый сведением счётов с прошлым, устранением оппонентов и разгулом пахабщины, нанёс новой литературе родовую травму, последствия которой в полной мере обнаружались сегодня. Чтобы понять это изначально несовершенство, нет нужды углубляться в проблемы жанров и стилей, в особенности орнаментальной, абсурдистской, хтонической прозы или «метапостмодернизмов». С 90-х годов литература всех идейных пристрастий и художественных направлений — и талантливая, и типовая, и бездарная — перестала быть свидетельством эпохи, отстранилась от реальной жизни страны. Ни синтез, свойственный поэзии, ни анализ, присущий прозе, не замахивались на художественную экспертизу российских реалий. В прошлом даже фантастика братьев Стругацких была современной в том смысле, что отзывалась на острые вопросы тогдашнего общественного бытия. Увы, этого не скажешь о литературе минувшего тридцатилетия в целом. За очень редкими исключениями, да и те замечали только в случае, если они живописали тяготы, унылость и безысходность российской судьбы. Литература, не озабоченная глубинными смыслами бытия, ушла от горячих тем, от духовных исканий и скитаний, от драматизма, а порой величия обыкновенностей жизни. Литература потеряла чувство Времени, перестала, как водилось в России, быть совестью и общественной силой. Вошедшую в историю борьбу писателей против поворота сибирских рек посчитали не соответствующей творческому профилю.

Это подтвердила статья Немзера в №1 «Нового мира» за 2000-й год, озаглавленная не в меру пафосно — «Замечательное десятилетие». Не в том дело, что мелькали в ней и «клятый литературоцентризм» и «пылкие радетели великого русского реализма». А в том, что среди множества произведений, которым воскурял фимиам и пел акафисты автор, не обнаружилось актуальной литературы, не говоря уже о социальных романах, отражающих эпоху. Замечательное десятилетие, по Немзеру, даровало писателю свободу, и он воспользовался ею, чтобы не обжечься «кипятком» жизненных реалий. Грызая тему о новых напастях, подкарауливших писателей, автор зубы сточил, но о юдоли скорби, в которой пребывала страна, не обмолвился. Разумеется, в статье не упоминались такие базовые понятия русской литературы, как правдоискательство и духовность.

Тягостное для народа десятилетие, по мнению автора, для новой литературы оказалось замечательным! Тут уж остаётся только матерно недоумевать. После такого признания следственные действия перед судом истории излишни.

Но, в отличие от «замечательных» 90-х, когда устроили судилище над соцреализмом, сегодня, слава Богу, нет в писательском сообществе тяги к вынесению приговора периоду литературного умолчания о драматизме жизненной перелицовки, случившейся на рубеже тысячелетий. Его серьёзным анализом, по моему мнению, займутся лет через десять, когда померкнут нынешние идолы и жупелы, остынут страсти и можно будет объективно отделить «агнцов от козлищ», чем наверняка и займутся потомки. Не отражая своё время, литература минувшего тридцатилетия сама была отражением своего времени — переходного, идейно невнятного. Ибо в годы перестройки под видом «общечеловеческих» нам коварно, предательски всучили западную систему ценностей. А какова она на самом деле, мы поняли только сейчас.

Сегодня не междоусобицы надо множить, затеявая очередную интеллигентскую склоку с вопросом «Кто виноват?», а уяснить коренные различия между «уходящей натурой» и новой, а по сути старой, всегдашней русской литературой, о возвращении которой сигналият зет-поэзия и первая проза о СВО.

После победного завершения СВО в России утвердятся новые реалии, основанные на возрождении державности. И они потребуют литературных произведений, которые отразят веяния времени. Вспомнятся заветы Пришвина: «Талант включает в себя чувство времени, в нём проявляется». Вернётся, надеюсь, и желанный тип русского литератора, глубоко изучавшего жизнь — как Короленко, который сто лет назад писал пронзительные письма Луначарскому «О болящих вопросах современности».

Сегодня литературная среда далека от такого идеала. Повторилась ситуация, о которой изумительно точно сказал Бунин в речи на юбилее «Русских новостей», живописуя тип писателя, народившийся на стыке девяностых и девятисотых. «Духовный разночинец пришёл... Исчезли драгоценнейшие черты русской литературы — глубина, серьёзность, простота, непосредственность, благородство, прямота...» Впрочем, ту необычайно ныне злободневную речь Бунина надо бы цитировать полностью, и всем заинтересованным лицам полезно её прочесть.

Жизнь нынешняя такова, что чуть ли не каждодневно напоминает о неизбежности новой смены литературной матрицы. Но за 30 лет титулованная писательская знать и её потворщики, уютно почивающие в книжном деле, отстранённом от болящих вопросов века, обросли частоколом импортных обрядов, мешающих нашей словесности вернуться в привычную «среду обитания». В этой среде особое место занимал писательский Диалог с большой буквы, который можно считать нашим национальным достоянием, ибо в 19 веке именно спор западников и славянофилов стал одной из главных движущих сил русской мысли.

Сегодня эта традиция не просто утеряна, а намеренно списана в архив. Всё обстоит так, как писал Коржавин применительно к американской ситуации: «В США сторонники разных взглядов не читают друг друга». Эта привнесённая в нашу литературную среду заокеанская манера входит в противоречие с русскими традициями знаменитых примирительных обедов славянофилов и западников у Аксакова. Острая мировоззренческая полемика не мешала общению. Это были боксёры на умственном ринге, а не культуристы, качающие мышцы в одиночестве.

Традиция большого Диалога продолжалась и в советские годы, о чём напоминает знаменитая полемика между «Новым миром» и «Октябрём». Кстати, она почти не мешала личным отношениям. До перестроечной смуты, насмерть расколовшей писательскую среду, мне не раз приходилось наблюдать дружеские посиделки, казалось, непримиримых идейных противников, а порой и участвовать в них.

Почему прервалась давняя русская традиция писательских диалогов и оппонентских общений?

Ответ на вопрос предельно ясен: тут уж точно виновата власть!

В России власть всегда поддерживала тесные отношения с писателями. Николай Первый помогал Пушкину и Гоголю, был цензором Пушкина, однажды внёс умелую редакторскую правку в его сочинение, заменив слово «урыльник», означавшее ночную вазу, на будильник. О постоянных общениях Сталина с писателями написано много; известно, что по ночам он правил

рукопись Алексея Толстого. Неослабно «работал» с писателями и брежневский ЦК КПСС, который держался умной стратегии, обкатанной на английском Би-Би-СИ: лучший для власти пропагандистский успех достигается, когда она на 60% поддерживает своих сторонников, а на 40% оппонентов. В этом случае возникает «эффект доверия». Вот и Агитпроп «сношался» с «Октябрём» и «Новым миром» по принципу 60 на 40, обеспечивая широкую поддержку консервативному флангу.

Но после 1991 года власть, пожалуй, впервые в истории российского государства отвернулась от литературы, избрав самую примитивную тактику: «своих» авторов вознесла в классики, «не своих» пустила по миру. Традиции Диалога были утеряны, и это становится серьёзной угрозой для нового Союза писателей России, созданного в феврале 2025 года. В условиях свободы творчества, ограниченной лишь рамками законов, отсутствие полемики не позволит достичь профессионального единства. Да и как отразить противоречия эпохи без широкого Диалога о сущем? Сумятица взглядов с домашнего дивана...

Ещё одной серьёзной помехой стали интернет-сайты, сбивающие с толку читателей. Об одном из них говорил в «Бесогоне» Михалков — о некоем «Брифли», через дайджесты профанирующем великую русскую литературу, отбивающем охоту к чтению. Вдобавок, в конце каждого выпуска «Брифли» идёт непотребная строчка: «Нет войне, деду пора на пенсию». А таких выпусков, по числу пользователей, 40 миллионов в год!

И ничего, у сайта никаких проблем.

Есть и другой сайт, ещё более изощрённый, под привлекательным названием «Писательство», который наставляет по части художественного мастерства. Чтобы понять, какую отраву подсовывает он молодым авторам, достаточно озвучить один из выпусков — «Как написать роман без сюжета». Сделать это не сложно: отказаться от событийности, персонажи без имён, писать нужно только о собственных ощущениях, ни о чём другом; например, о том, как скрип половиц под ногами отзывается в теле, или об ощущении холодного пола ступнями...

Подспудные замыслы админов таких сайтов, десятилетиями разлагающих литературную среду, очевидны, это не «различные точки зрения», а прямая агентура влияния. Однако блюстителей сетевых нравов из ВКонтакте подобные «тонкости» не беспокоят.

В этой связи не могу не упомянуть, как на заседании клуба «Свободное слово» задал вопрос вернувшемуся в Россию философу Зиновьеву: «Кто, по вашему мнению, правит Россией?» Стенограмма помнит, что, отвечая, Александр Александрович говорил именно о подобных «тонкостях» зарубежного влияния, а подвёл итог так: «Не считите это за шутку: Россией сегодня правят Вашингтон, Бонн, Лондон. Причём, знаете, правят профессионально, на очень высоком уровне».

И хотя в последние годы на верхах власти большое внимание уделяют проблеме информационной безопасности, различного рода литературно-интернетными «тонкостями» она по-прежнему не озабочена.

Но хватит о власти. Анемия нынешней литературы не в последнюю, а возможно, в первую очередь коренится в ее тяжелейшем внутреннем недомогании, которому можно поставить точный диагноз: вырождение литературной критики.

Эту болезнь ощущают все, и не случайно в первом же сезоне премии «Слово» была проведена конференция критиков «Большой стиль». Дело, безусловно, благое, долгожданное. Од-

нако именно конференция и подтвердила: той литературной критики, которую утверждали Кожин, Дедков, Лобанов, Аннинский у нас нет и в помине.

Позволю себе личное воспоминание. 20 лет назад Аннинский написал к моему роману «Из России, с любовью» огромное предисловие, по сути, журнальную статью, озаглавив её так: «Третьим будешь... Четвёртому не бывать». В те годы я был не в ладах с интернетом, и Лёва, с которым мы близко знались, передал мне предисловие в машинописном виде. Сказал при этом: «Ну и работёнку ты мне задал! Ведь критик должен знать и понимать жизнь глубже, чем писатель, чтобы либо дискутировать с ним, либо договаривать за него о главном и существенном, до чего не докопался автор».

Почему же высочайший уровень советской литературной критики при перемене «идеологического знака» был низведен до примитивных оценок «хорошо» или «плохо», упакованных в мудрёные словеса? Этот вопрос более интересен, чем может показаться.

Казалось бы, обретя свободу суждений, критики получили возможность, презреть Эзопа и открытым текстом говорить о том, на что раньше приходилось лишь намекать. Но те, кто вынес приговор советской литературе, неспроста особо изощрённо расправились именно с критикой, — художественно ущербные, они страшились серьёзного анализа своих опусов. И не случайно именно автор приснопамятных «Поминок», бывалый прохвост, певец гениталий, продвигавший литературу нетрадиционной ориентации и задававший в те годы тон, громко заявил, что отныне «место критики в лакейской».

Этот расчётливый, своекорыстный выпад наложил на любопытную мутацию, возникшую в годы перестройки. Когда пошла идейная сумятица, посыпались жалобы на то, что многие критики вдруг «ушли под воду», с головой нырнув в литературоведение. Итогом этой двойного удара и стала деградация критики, которой в новой литературе изначально отвели служебную роль.

А сегодня мы стали свидетелями другого любопытного явления, обратного: литература очухалась от морока 90-х, спрос на аналитику возрос, и в критику массово ринулись литературоведы, вузовская доцентура и профессура, составившие чуть ли не большинство докладчиков первой конференции «Большой стиль». Впрочем, вторая, похоже, в этом смысле превзойдёт её, ибо в анонсе есть многозначительное уточнение: «Откройте мир академической литературы».

Причины понятны. Недавно журнал НОЖ, выставляющий себя в качестве «оружия интеллектуала», раскрыл процессы, идущие в литературной критике: «Сегодня свобода полемики смещается в сторону художественности, интеллектуальной эссеистики, исторических архивов». Но именно в этих разделах наиболее сильны профессиональные филологи. И в анализ современной словесности массово ударились теоретики метамодернизма, знатоки зарубежной литературы, страдающие красноречием, исследователи литературных апокрифов, умеющие зорко всматриваться в эсхатологические дали. Не вникая в социальные глубины жизни, они, говоря словами Дедкова, занимаются «инвентаризацией» фактуры в книгах модного списка, сопровождая вычитанное умозрительными конструкциями из арсенала мировой литературы. И не готовые к осмыслению жизненных явлений, к рецензионным дискуссиям с авторами, обходят стороной произведения, где главным героем становится нынешнее Время.

По той же причине избегают разговора об острых проблемах современной жизни многочисленные оценщики прозы 30-летних, утверждающие, будто именно она и есть завтрашний день литературы. В этой связи любопытно вспомнить, что Дедков писал о прозе 40-летних, уже

зрелых писателей, в произведениях которых бился пульс реальной жизни, и для анализа критик должен был сам глубоко понимать происходящее в стране. А «разборки» с нынешними 30-летними превращаются не более, чем в тщеславную демонстрацию эрудиции напыщенного зоила.

И ещё. Помнится, несколько лет назад на горизонтах словесности возникла группа литературных критиков, которых окрестили «проклятыми» (не знаю, на каком слоге ставить ударение) и которые восстали против полуграмотных писаний, усердно продвигаемых неким известным издательством. Однако время показало, что эти благородные зоилы, умевшие едко издеваться над дремучими перлами первобытных текстов, на самом деле всего лишь «чистильщики», а не литературные критики, способные к осмыслению художественных произведений. Примитивных эрзац-книг стало заметно меньше, кормовая база насмешников скукожилась, и, не совладав с содержательными текстами, они, как и предсказывали, канули в Лету.

В моих записях сохранились слова одного из самых известных современных критиков Басинского о «людях, которые самым жульническим образом прибрали к рукам всю литературную власть, литературную моду». Увы, нет в записях пометок, когда и по поводу кого было сделано это меткое замечание, но оно вполне применимо к истекшему литературному тридцатилетию.

Для писательства это было сложное время. Бывшие отъявленные атеисты начали писать слово «Бог» с большой буквы. Низложив соцреализм, дети «Краткого курса» вытащили из кармана фигу, которая, оказываясь, омрачала им радости от государственных премий и наград. Писательская слава перешла от тех, кто черпал сюжеты в глубинке, к тем, кто начал выискивать их в ширинке. Оставшись без государственного призора, русская литература перестала быть духовной наставницей народа.

Из поэзии почти полностью ушла злободневность, романы зачастую не содержат философского ядра. В новых исторических условиях, на новом жизненном материале, казалось, поновому должны были звучать вечные русские темы о противоречиях бытийного и событийного, должного и сущего, вечного и преходящего, борьбы между «быть» и «иметь», между фактом и истиной, законом и правдой жизни. Но, увы, впору вспомнить Вяземского: «Мыслящие не пишут, а пишущие не мыслят». Сочинительство, не взыскав истины, отказалось от сопряжения с эпохой, перестало вслушиваться в шум времени. А критики, тоже отказавшись от постижения реальности, не имеют, подобно предшественникам, суждений о глубинных проблемах нашего времени и не требуют этого от литературы, став лишь оценщиками или уценщиками текстов. Переписку Белинского и Гоголя, где речь шла о «самых живых современных, национальных вопросах России», предали забвению.

Поистине знаковым клеймом на литературе минувшего тридцатилетия стало то, что критика вознесла на вершину славы писания Пелевина, которые, независимо от споров о его таланте, символизируют принципиальный отказ от углубления в российские реалии.

Впрочем, в оправдание литературного безвременья следует напомнить, что процесс духовного оскудения не был злонамеренной диверсией литературы, он шёл в русле главной общественной цели, которую Краткая философская энциклопедия 1994 года сформулировала как «Приобщение к цивилизованному Западу». А пресловутый Конгресс интеллигенции, особо опекаемый тогдашней властью, в 1997 году принял резолюцию с требованием «Вечного нейтралитета России и отказа от гор оружия, ибо военных угроз нет». Может быть, уход лите-

ратуры от реалий того времени, хотя бы отчасти был продиктован нежеланием участвовать в губительной для России смуте?

Парадоксальный Брехт, трезвый в стельку, выворачивавший истины наизнанку, в годы Первой мировой воскликнул, что разговоры о погоде — это преступление, ибо в них заключено умолчание о фронтовых зверствах. При всей афористичности этой тирады она неплохо описывает литературную ситуацию минувшего тридцатилетия, когда наша литература отстранилась от жгучих забот страны и народа, по образному выражению столетней давности, «пустив знамёна на онучи». Но после начала СВО вектор общественного развития изменился, что отчётливо проявилось и в писательской сфере, где, по Ключевскому, всё произошло «не тяжем, а рывом».

В повседневной книжно-ярмарочной и премиальной суете многие писатели не осознают, что сейчас в литературном мире происходят события, по значимости сопоставимые с переломным Первым съездом писателей СССР 1934 года. Пишущая братия не раскусила, что АСПИР, на условиях консенсуса воедино слившая писателей и издателей, стала коварной уловкой: издатели, не желавшие делиться частью финансового пирога книжной отрасли, блокировали попытки улучшить социальный статус писателей, будь то пенсионный стаж или гонорарная политика. И наивные радетели АСПИР не поняли, что её ликвидация стала неизбежным, само собой разумеющимся следствием создания единого СПР, — кого теперь объединять в Ассоциацию? Не поняли, что, наконец-то, восстановлено равновесие в отношениях СПР и Книжного союза.

СПР, основанный не на идейном сплочении, как при Советах, а на корпоративных интересах, сможет по полной отстаивать жизненные права литераторов — безмерно ущемлённые, ибо, в отличие от тех, кого пестует Минкульт, пишущее сословие осталось без патронажа власти.

Впрочем, объединение писателей — не профсоюз, занятый исключительно защитой социальных прав и оргвопросами. Создание СПР, отразившее изменение общественного климата под влиянием СВО, подразумевает и ценностный пересмотр литературных трендов. Ибо главной задачей становится возвращение литературе высочайшего духовного статуса, которым она всегда обладала в России, и при царях и при секретарях. Спроста ли главой СПР избран помощник Президента? А наградив Золотой звездой Героя труда Проханова, который варится в «кипятке» жизни, верховная власть ясно показала свои новые литературные предпочтения.

Но как решать главную задачу в условиях свободы творчества, когда, в отличие от советских времён, никто не вправе диктовать писателю, о чём и как он должен писать, когда покончено с цензурными мытарствами?

Размышляя над «переменами в доме Облонских», надо принять в расчёт, что они отражают изменения в соотношении общественных сил. Потому назревающая смена литературной матрицы ощущается всё заметнее. С одной стороны, у многих уже вызывают изжогу прикрытые заумным многословием, но, по сути, сервильные восторги перед любыми оттенками авангардизма. С другой стороны, зет-литература, безусловно, благоволит взлёту национально-го сознания, духовному выздоровлению, готовит писателей к осмыслению жизни народа во всей полноте. В укор поклонникам «чистого разума» в кругах профессиональных начали чаще вспоминать Шукшина, требовавшего «изгнать всё, что отвлекает внимание от сущностей». А

среди людей, сочувствующих слову, популярными стали перетолки об оптимизме, каким дышало искусство в годы первых пятилеток: марш энтузиастов «Нам нет преград ни в море, ни на суше» звучал в душах так же, как ныне отзывается в нас «День Победы со слезами на глазах». Вдогонку не грех заметить, что признаки литературного поворота наметились уже во многих жанрах, даже в житийном — книги о нынешней приходской жизни, и историческом — прошлое живописуют не отвлечённо, как было до недавнего времени, а целят в горячее сегодняшнее.

Эта волна перемен накатывает быстро, и возникает новая угроза: как бы СПР не утонул в организационных хлопотах, не засиделся на старте, забыв о природных свойствах пишущего сословия — корпоративно сплотиться писатели разных идейных и художественных течений могут только через литературные споры и творческие дискуссии, через Диалог.

Но романы, да и повести пишутся долго, и сегодня на линии боевого литературного соприкосновения, где началась смена матрицы, особая роль принадлежит мобильному жанру критики. Но вот странность: среди множества критериев очень удачного девиза «Большой стиль» пока нет именно того, который и содержит в себе смену литературной матрицы, критерия, который называется «Ответом на вызовы Времени».

Кто сегодня напоминает «писакам русским» (Пушкин) о традициях глубокого понимания жизни? Наоборот, сопряжение с реалиями времени и гражданскую позицию автора иные критики пренебрежительно называют «политикой», недостойной их внимания. Но могу напомнить, что ответом на вызов своего времени был и обожаемый именно этими критиками роман полуправды «Дети Арбата», который контражуром отразил перестроечные настроения. А уж политики и идеологии в нём было с лихвой.

Переходное время освоения постсоветского жизненного устройства, ещё не завершилось, но прозападная трясина уже позади, под ногами твёрдая почва. Однако почва, как известно, всегда чем-то покрыта, листвой или хвоей, снегом или льдом, но, бывает, слякотью или мусором, — писателям не надо объяснять, о чём веду речь. И само время побуждает в рубежные для страны духоподъёмные годы вспомнить о забытой гражданской ответственности литературы, о том, что в России литература всегда, за исключением последнего тридцатилетия, была ведущей духовной силой, оплодотворяющей все виды искусств и консолидирующей гуманитарную среду.

В послевоенном детстве моей домашней обязанностью были регулярные походы на близкий Палашовский рынок за картошкой. На рынке этом, между Пушкинской площадью и Патриками, был отдельный, без прилавка ряд, в котором безногие инвалиды продавали самодельную игрушку Ванька-встанька — они вытапливали из где-то добытых патронов свинец и заливали его в низ матрёшки, которая клонилась во все стороны, но всегда выпрямлялась. То был инвалидный промысел, люди понимали это и каждый второй покупал Ваньку-встаньку. Великий многозначный образ — и сам Ванька-встанька и инвалиды на тележках с шарикоподшипниками — навсегда врезался в память. И сегодня я невольно примеряю его к русской литературе, которая в своих лучших достижениях, преодолевая любые уклоны, всегда остаётся совестью народа.